

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С.Ю. Разин

**Массовое сознание и политические
партии в общероссийских
избирательных кампаниях
1906–1907 годов**

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Razin_mass.pdf

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях
(Ст.1274 ГК РФ)

URL:<http://www.civisbook.ru>

Массовое сознание и политические партии в общероссийских избирательных кампаниях 1906–1907 годов

На протяжении многих лет в науке существует представление о том, что главную роль в политической борьбе играют социально-экономические факторы, а также программные установки политических партий. Вопрос о роли массового сознания в политическом процессе долгое время находился на периферии интересов отечественного обществознания. Сегодня он является предметом пристального внимания политиков, публицистов, ученых. Данная статья представляет собой попытку проанализировать взаимодействие массового сознания и политических партий в ходе избирательных кампаний в Государственную Думу 1906–1907 гг. и наметить контуры общей социокультурной модели российских выборов.

В ходе проведения выборов 1906–1907 годов впервые обозначился алгоритм взаимодействия «масс» и партий, актуальный для всей последующей российской политической истории. Статья основана на материалах трех губерний Среднего Поволжья – Самарской, Саратовской и Симбирской. Среднее Поволжье являлось одним из крупнейших аграрных регионов страны, где крестьянство, являвшееся носителем и хранителем социокультурных кодов российской цивилизации, составляло около 90% населения¹. Поволжское крестьянство было одним из самых организованных и сплоченных отрядов «общинной революции». Поэтому есть основания говорить о том, что именно здесь указанный алгоритм взаимодействия массового сознания и политических партий проявился достаточно ярко и наглядно.

Анализ источников позволяет говорить о негативном отношении представителей крестьянских и рабочего класса к партийности как социальному явлению. Негативизм по отношению к партийному делению общества является характерной чертой российской политической культуры. В православной традиции партийность противопоставляется соборности, рассматривается как синоним разрушения общественного организма. По мнению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, «партийщина – явление для русской жизни чуждое», а «политические партии ... являются с точки зрения духовно-мировоззренческой, идеальным орудием разрушения народного самосознания»². В свою очередь И.А. Ильин называл партийность – антидемократической эпидемией³.

Представители народных масс Поволжья часто выступали против и не понимали партийно-политической борьбы, не разбирались в партийных программах. По воспоминаниям одного из участников событий тех лет в Самаре «... результаты пропаганды были слишком слабы ... рабочие плохо поддавались революционному воспитанию и плохо усваивали теорию классовой борьбы»⁴. Делегаты состоявшейся в январе 1907 г. самарской городской конференции РСДРП признали, что «в низах обнаруживается полное незнакомство с принципами социал-демократии»⁵.

В отечественной историографии на протяжении десятилетий повторялся тезис о том, что политические партии осуществляли организационное руководство революционным движением масс. Сторонники «партиоцентризма» встречались и в 90-е годы. Ю.Д. Гражданов в одной из своих работ заявляет: «Поскольку социал-демократическая партия представляла собой авангард самого передового общественного класса эпохи, постольку ей принадлежала ведущая роль в политическом просвещении и организации крестьянства»⁶. Такой подход противоречит воспоминаниям местных партийцев — непосредственных участников событий. Видный самарский социал-демократ «Заратустра» вспоминал: «...октябрьские события были слишком грандиозны, чтобы ими могла руководить слабая с.-д. организация»⁷.

Все сказанное можно отнести и к партии социалистов-революционеров. Известный исследователь ПСР М.И.Леонов на заданный самому себе «самый важный вопрос, сумели ли эсеры Саратовской и других губерний охватить в своих сельских организациях такое число крестьян, чтобы определить ход событий», дает четкий и недвусмысленный ответ — нет⁸.

Желание встать во главе масс декларировалось и российскими либералами. Но их пожелания были далеки от воплощения в жизнь. Согласно данным, приводимым М.И. Леоновым, в стране в 1905—1907 годах функционировало всего 75 сельских партийных организаций кадетов и 56 сельских партийных организаций октябристов⁹. Эти цифры красноречиво говорят об отсутствии у либеральных партий возможностей руководить движением масс.

На наш взгляд, ни одна из существовавших в то время политических партий не была и не могла быть реальным руководителем крестьянского и рабочего движения.

Среди ученых, занимающихся исследованиями роли массового сознания в политике, распространена точка зрения, согласно которой «массы диктуют политикам их поведение»¹⁰. В этом случае политический успех рассматривается как величина, зависящая от степени соответствия политического лидера, политической партии массовому сознанию.

Как соотносилось массовое сознание и политические партии периода 1905—1907 годов? На наш взгляд, можно говорить о том, что массовое сознание структурировало многопартийность, деля все крупные общероссийские партии на два «лагеря». К одному из них относились меньшевики, кадеты и октябристы. Другой «лагерь» составляли черносотенцы, большевики и эсеры. Для того

чтобы ответить на сформулированные вопросы, прибегнем к сопоставлению всех этих партий с основными установками массового сознания.

Меньшевики были самой западнической из всех социалистических партий и групп. Теоретической основой меньшевистского негативного отношения к русскому крестьянству являются положения ортодоксального марксизма. Для Маркса крестьянство – «неудобный класс»¹¹, «варварство внутри цивилизации»¹², «пережиток отжившего способа производства»¹³. С точки зрения патриарха русского марксизма Г.В. Плеханова, крестьяне, «несуществующие, исторически говоря»¹⁴, представляли собой «...тупой, консервативный, приверженный царизму класс»¹⁵. Негативизм по отношению к крестьянству проявился и в ходе дискуссий по аграрному разделу программы партии на II съезде РСДРП, состоявшемся в 1903 году. Принятый на съезде вариант аграрной программы, предусматривавший возвращение крестьянам т.н. «отрезков», представлял собой своеобразный компромисс между старыми взглядами и начавшимся крестьянским движением.

Разгоревшаяся в 1905–1907 году «общинная революция» с новой силой поставила перед политической элитой страны крестьянский вопрос. Однако взгляды меньшевиков на крестьянство остались практически неизменными. В противовес требованиям крестьянства они выдвинули проект «муниципализации» земли, согласно которому помещичьи земли должны были перейти в распоряжение муниципалитетов, а крестьянам предоставлялось право арендовать эту землю за плату. Меньшевики выступили с резкой критикой ленинских идей национализации земли, «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и «левого блока». Они считали, что «революционно- демократическая диктатура пролетариата и крестьянства «противоречила бы всему ходу хозяйственного развития»¹⁶, а «всякие проекты национализации земли» являются «реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности»¹⁷.

Схожие позиции по отношению к крестьянству занимали кадеты и октябристы. Лидер кадетов Милюков называл идею национализации земли «древне-московским принципом»¹⁸. Октябристский печатный орган «Голос Самары» 7 февраля 1906 г. писал: «Нет более неудачной идеи, чем национализация земли. В наше время в России это было бы вернейшим средством в самый короткий срок обратить страну в пустыню». Октябристы выступали за сохранение помещичьего землевладения и разрушение общины. По мнению октябриста Святополк-Мирского, «наша серая, темная, крестьянская масса без помещиков, это – стадо без пастыря»¹⁹. Другой октябрист, депутат II Государственной Думы граф Бобринский в своем выступлении на заседании Думы 29 мая 1907 года «пророчествовал» «и не по стопам Пугачева и Стеньки Разина с криком Сарынь на кичку» пойдет русский крестьянин..., он пойдет по единственно верному пути, по которому пошли все цивилизованные народы ..., которые уже осознали всю гибельность общинного и подворного чересполосного владения и местами уже стали вводить хуторское хозяйство»²⁰.

Совершенно иного ожидало от политической элиты страны само крестьянство. В приговорах поволжских крестьян повторяется одна и та же мысль: «весь смысл у нас заключается в том, что земли нет, была бы она, у нас все было бы спокойно и хорошо»²¹.

Еще одним проявлением «антикрестьянства» была меньшевистская идея о «либеральной буржуазии» как единственном союзнике пролетариата в «буржуазно-демократической» революции. П.Б. Аксельрод называл «соглашение с либерально-демократической оппозицией ... необходимым элементом развития освободительного движения в России»²². Рабочим, большинство которых являлись крестьянами-отходниками, предлагалось заключить союз с теми, кого они считали своими врагами. Само выдвигание такого лозунга следует рассматривать как отрицание исторической специфики России и прямое пренебрежение чувствами и настроениями громадного большинства населения страны.

Парадигмой либерализма является идея свободы в рамках закона. В частности самарский октябрист В.Н. Львов называл эту идею одним из четырех главных принципов, которым должны руководствоваться в своей деятельности октябристские организации²³. Иное понимание «свободы» было характерно для бунтующих народных масс Поволжья. Ярким подтверждением этого непреложного факта является реакция местного крестьянства и «рабочего класса» на даровавший «свободы» Манифест 17 октября 1905 года. Квинтэссенцией крестьянского восприятия Манифеста можно назвать слова крестьянина села Кротовки Самарского уезда Самарской губернии Шарова, который следующим образом «разъяснял» односельчанам данный законодательный акт: «Теперь свободно, айдате, ребята, валите теперь помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет»²⁴. Характеризуя восприятие большинством населения дарованных свобод, «Голос Самары» в начале 1906 года писал: «...Гражданская свобода понята была огромным большинством населения в смысле всякого разрешения всякого насилия всякого грабежа, всякого бесчинства и на первых же порах превратилось в необузданное своекорыстие и анархию»²⁵.

Реальным воплощением земного порядка для отечественных либералов являлась Конституция, которая стала вопросом веры²⁶. Наиболее дальновидные представители политической элиты страны считали, что «крестьяне поймут конституцию единственным образом — в смысле свободы от всяких обязательств перед государством...; тогда — долой все подати, долой рекрутчину, и прежде всего, долой частное землевладение»²⁷. Российские либералы в ходе революции выступали за превращение страны в конституционную монархию. Крестьяне даже гипотетически не допускали возможности существования в стране какого-то другого политического строя, кроме Самодержавия. «Царя нам нужно, а начальников нужно убавить»²⁸ — эту строчку из приговора крестьян села Тростянки Самарской губернии от 24 ноября 1905 года можно считать своеобразным ответом поволжских крестьян на конституционные идеи либералов. Для крестьянства «конституционный строй западного образца означал лишь одно — анархию»²⁹.

Разными были представления масс и либералов о моделях социального поведения в условиях «Смуты». Еще в начале 1905 года будущий октябрист П.А. Гейден говорил: «Аграрное движение вредно, как реакционное»³⁰. В то же время именно бунт являлся главной формой социального поведения и массового сознания в «смутные» времена отечественной истории.

Как модификацию «общинной революции», «бунт замаскированной архаики»³¹ следует рассматривать «рабочее движение» в поволжских городах в 1905–1907 гг. Рабочий класс Поволжья состоял на 90% из деревенских жителей, приходящих на сезонные заработки в города³². Рабочие коллективы в условиях революции превратились в передовые отряды городской «пугачевщины». Крестьяне в городах использовали те же формы и методы борьбы, которые были для них характерны в деревне. Архивные документы того времени содержат немало информации о фактах силового давления «бунтовщиков», действовавших согласно хорошо известному принципу крестьянской политической культуры «кто не с нами – тот против нас», на рабочих предприятиях, не участвовавших в стачках, с целью их привлечения для участия в массовых беспорядках³³.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что российские социал-демократы и либералы фактически предлагали народным массам и исторической российской государственности покончить жизнь геополитическим и цивилизационным самоубийством. Народные массы в ходе революции боролись за самосохранение, за сохранение Империи, а, следовательно за сохранение России как культурно-исторического и геополитического целого. Поэтому ни кадеты, ни меньшевики, ни октябристы не имели успеха в среде крестьянства и рабочего класса Поволжья. В одном из рапортов начальника Симбирского Губернского Жандармского Управления подчеркивается, что среди рабочего и крестьянского населения КДП успеха не имела «ввиду сильно настроенного революционного духа»³⁴.

Иное отношение к народным массам демонстрировали большевики, эсеры, черносотенцы. Эти партии во многих вопросах выступали с достаточно близких позиций. Близость правых и левых радикалов подчеркивали их политические оппоненты. В одной из статей «Голоса Самары»: «Приемы и цель как крайней правой, так и крайне левой совершенно одинаковы. Эти партии схожи ... как два полюса ... обладают одинаковыми признаками. ... Но всего ярче обличает духовное родство этих партий ...стремление использовать в политике глубокое деревенское невежество»³⁵.

Правые и левые радикалы признавали за крестьянством статус активного субъекта политики, а также главную роль крестьянского вопроса в российском политическом процессе. Для «левых» радикалов крестьянство «действительный самодержец России»³⁶ (В. Чернов), «пехота революции» «без которой революция должна погибнуть»³⁷ (Б. Камков), «... это сила»³⁸ (В. Ленин). Эсеры выдвинули теорию «трудового класса», куда включили сельское и «городское» крестьянство, а также трудовую интеллигенцию. В.И. Ленин формулирует положение о крестьянстве как союзнике пролетариата в революции, и идею революцион-

но-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Тем самым эсеры и большевики уловили, обозначили социокультурное единство «низов» российского общества. Общей для большевиков и эсеров можно признать ту оценку роли и значения крестьянского вопроса в русской революции, которую дал В.И. Ленин: «Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции» (ПСС., т.16, с. 403). Для правых радикалов крестьянство было неотъемлемой частью русской православно-монархической идеи, выступая в роли т.н. «народности». Эсеры и большевики предложили такие варианты решения аграрного вопроса, которые находили отклик в массовом сознании. Ленинский и эсеровский подходы к решению аграрного вопроса сформировались под непосредственным влиянием, развернувшейся «общинной революции» и явились результатом критического пересмотра прежних концепций и подходов. Вождем большевиков писал: «Не имея перед собой опытарусские марксисты, ... не могли до революции, выставить правильной аграрной программы. Они делали ... ошибку, что и после начала революции, вместо приложения теории Маркса к оригинальным условиям России ... повторяли выводы из приложения теории Маркса к чужим условиям, к иной эпохе»³⁹.

Многие современные авторы полагают, что «именно по вопросу о крестьянстве стал проходить ... водораздел ..., разделяющий большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками – кадетами»⁴⁰. События 1905–1907 годов позволили В.И. Ленину увидеть в крестьянстве силу, способную стать своеобразным тараном революции. «Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция и что эта последняя не может выполнить ...своей исторической миссии без национализации земли»⁴¹. Симбирские, саратовские и самарские крестьяне поняли и приняли и социализацию и национализацию. Оба эти лозунга оказались созвучны крестьянским представлениям. Для сельчан они означали одно и то же – «черный передел». О созвучии этих лозунгов общинному менталитету свидетельствуют решения сельских сходов «... наша нужда нет у нас земли..... желаем... у помещиков и монастырских эту землю...земля должна быть передана трудовому народу, кто её будет вспахивать в поте лица своего»⁴². Еще в 1904 году эсеровский журнал «Революционная Россия» писал: «Мы с нашей социализацией земли угодили в самую точку, крестьяне без всякого труда усваивают себе эту идею»⁴³. Схожую мысль в своих воспоминаниях, высказал лидер симбирских большевиков В. Рябиков: « ...мы очень быстро поняли какая могучая сила заключалась в том лозунге и как легко было теперь найти путь к сердцу крестьянства»⁴⁴.

Созвучным политической культуре масс было отношение правых и левых радикалов к идее Конституции и конституционного правления. Черносотенцы разделяли мнение К.П. Победоносцева о том, что «конституция ... великая лож нашего времени»⁴⁵. Они считали, что «... эта форма неприменима без разложения государственного режима»⁴⁶. На аналогичных позициях стояли их полити-

ческие оппоненты слева. В 1905 году эсеры выступали с идеей проведения Земского Собора, а большевики призывали к созыву Учредительного Собрания⁴⁷. Революционные партии рассматривали созыв Государственной Думы как проявление слабости правящего режима, а ее саму — как «знамя поддельного конституционализма»⁴⁸ и трибуну для ведения революционной пропаганды. Выступая в Самаре на одном из митингов в период выборов во II Государственную Думу, социал-демократ Н.Н. Бушен заявил: «Товарищи! Мы не надеемся освободить рабочий класс в Думе, но он сам себя освободит в вооруженном восстании, в единстве с революционным крестьянством. Дума ... должна сыграть роль объединительного центра»⁴⁹.

Большевики, эсеры и черносотенцы предлагали такие модели социального поведения, которые совпадали с психологической реакцией масс на ослабление Власти и дестабилизацию ситуации в стране, соответствовали их черно-белому видению мира, патриархально-общинному противопоставлению «они-мы». Черносотенные погромы, эсеровский террор, большевистские призывы к вооруженному восстанию находили отклик и понимание у крестьян и рабочих, совпадали со стихией крестьянского аграрного террора и рабоче-крестьянской «пугачевщины» в городах. В годы первой русской революции черносотенцы выдвинули лозунг «Кто не с нами — тот жид»⁵⁰. Осенью 1905 года «Саратовский комитет РСДРП в листовке «К крестьянам» писал: «1) Отказывайтесь платить подати. 2) Отказывайтесь идти на военную службу. 3) Отказывайтесь повиноваться начальству. 4) Закрепляйте приговорами эти отказы. 5) Устраивайте демонстрации на ярмарках и базарах. 6) Намечайте, какие земли вам нужно будет отбирать у казны, у удела и помещиков. 7) Вооружайтесь»⁵¹.

Базовым установкам массового сознания соответствовала апологетика сильной власти, с которой выступали и правые и левые радикалы. У большевиков она была представлена в виде идеи «революционно-демократической диктатуры». Черносотенные партии оставались верными триаде «православие — самодержавие — народность», выступали с идеей единения царя и народа и как уже об этом писалось выше были категорическими противниками каких бы то ни было ограничений самодержавия.

И все же именно большевики оказались наиболее адекватны массовому сознанию. При всей психологической схожести большевизма и черносотенства между ними существует одно достаточно весомое отличие. Черносотенство — это ретроградная, консервативная апелляция к «прошлому», не указывающая **дороги в будущее**. Большевизм же сумел облечь «прошлое» в одежды «будущего», заgrimировать «Традицию» в «Прогресс», и преподнести себя массовому сознанию в роли прогрессивного продолжателя Имперской Традиции, что соответствовало и самодержавно-общинным установкам, и всегдашним эсхатологическим устремлениям русского человека и русской культуры. Уже в ходе первой русской революции большевизм действительно проявил себя как гибкая структура, способная к творческому применению и переосмыслению теоретических положений, как «особый социальный механизм, улавливающий энергию

масс»⁵² (А. Ахиезер). В этом состояло одно из важнейших отличий РСДРП (б) от всех политических партий, в том числе и от эсеров, которой не всегда хватало гибкости и умения отбросить в сторону старые теории и концепции.

Обозначенные соответствия и несоответствия партий и масс определили ход и результаты выборов в I и II Государственную Думу.

Как известно, выборы в I Думу завершились победой кадетов, как в целом по стране, так и на региональном уровне. Всего от Самарской, Саратовской и Симбирской губерний в I Государственную Думу было избрано 36 депутатов, из которых 16 являлись членами ПНС⁵³. Но эту победу нельзя рассматривать как торжество либерализма в России. П.Н. Милоков, вспоминая о тех выборах, отмечал: «наши успехи были только кажущиеся и лишь на короткий период замаскировали истинное положение вещей»⁵⁴. Делегаты III съезда ПНС в своих выступлениях неоднократно говорили о том, что на выборах победила «не партийная программа, а повышенное настроение народа»⁵⁵.

В предвыборный период массовое сознание оказало самое непосредственное влияние на формирование предвыборной тактики и стратегии КДП. Продолжавшаяся революция и стремление завоевать популярность в массах привели к тому, что кадеты взяли на вооружение «антилиберальные» идеи и лозунги. Среди них: принудительное отчуждение части частновладельческих земель, сохранение общины, признание возможности политической революции и т.д. Левые кадеты, в том числе и представители поволжских организаций, выступали с лозунгом национализации земли. Представитель Самары А.А. Васильев заявил на III съезде партии: «... самарская группа не признает иных форм разрешения аграрного вопроса, кроме национализации земли»⁵⁶.

Как безусловный уход от либеральных принципов эволюционного развития следует рассматривать признание кадетами возможности и определенной «прогрессивности» политической революции. Лидер кадетов отмечал: «Мы за революцию, поскольку она служит делу политического освобождения и социальной реформы»⁵⁷. В российских условиях, рассуждения о том, что «революция есть метод, способ борьбы, а не цель сама по себе»⁵⁸, кадетское разделение «политической» и «социальной» революции являлись искусственной, но при этом весьма опасной теоретической конструкцией, не имевшей ничего общего с реальностью. В сознании масс такого разделения не существовало. Любая революция воспринималась им как «смута», «бунт», «анархия» и «хаос».

Но не эти теоретические и тактические метаморфозы стали главной причиной мнимого «триумфа» кадетской партии на выборах в I Государственную Думу. Главной причиной «победы» конституционных демократов был бойкот выборов со стороны большевиков и эсеров. Это обстоятельство автоматически делало ПНС самой левой политической силой, принимавшей участие в избирательной кампании. В Среднем Поволжье КДП в ходе первой избирательной кампании стала центром оппозиционного блока, в который вошли многие беспартийные крестьяне, меньшевики и эсеры, не согласные с тактикой бойкота⁵⁹.

Итоги выборов во II Государственную Думу показали, что без создания «тепличных» условий для либеральных партий, их победа на выборах просто невозможна. Из 36 депутатов, представлявших губернии Среднего Поволжья во II Государственной Думе, 34 являлись представителями левых, один — кадетом и один членом «Союза 17 октября»⁶⁰. Таким образом, на региональном уровне выборы завершились тотальной победой социалистов.

Такой исход выборов во II Государственную Думу, проходивших в начале 1907 года в обстановке спада революции, связан с несколькими факторами. Прежде всего, он объясняется самим фактом участия РСДРП и ПСР в выборах. У кадетов фактически не стало поля для политического маневра, т.к. исчезла монополия на использование социалистических идей и лозунгов. Потерпели крах попытки создания блоков с социал-демократами. В силу указанных выше факторов, а также известной стабилизации ситуации в стране произошло «поправление» позиций кадетов. Изменения политической линии кадетов нашли свое отражение в избирательной платформе, принятой на октябрьской партийной конференции 1906 г. В документе подчеркивалось, что партия идет во II Думу только для того чтобы вести законодательную работу.

В свою очередь октябристы одобрили роспуск I Думы и политический курс правительства П.А. Столыпина. Они считали что, помехой к «обновлению нашего Отечества» является продолжающаяся революция. Поэтому для октябристов блок с социалистическими партиями был невозможен по принципиальным соображениям. Характерной чертой местных октябристских организаций, как и всей партии в целом, была организационная слабость. В одном из документов, относящихся к 1906 году, симбирский губернатор давал такую характеристику местным октябристам: «Союз 17 октября» в губернии и в городе не имеет никакого значения и совершенно бездействен»⁶¹. Собственная слабость вынуждала октябристов искать союзников для создания предвыборного блока как «слева» так и «справа». Симбирским, самарским и саратовским октябристам только на последней стадии выборов удалось договориться о блоке с местными черносотенцами. Но это уже ничего не могло изменить. Исход выборов был уже к этому времени ясен.

Иначе разворачивались события на левом фланге политического спектра. В ходе выборов стал реальностью левый «блок» эсеров и большевиков. Обе партии сближала не только, указанная выше близость идей, но и совместная практическая работа в ходе революции.

В результате этих изменений взаимодействие массового сознания и политических партий в период выборов во II Думу стало происходить полностью в рамках того алгоритма «соответствия-несоответствия», который был обозначен выше. При этом шансов на победу у российских либералов не было никаких, что и подтвердили результаты. Адекватность массовому сознанию предопределила успех социалистических партий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- массовое сознание являлось доминантой избирательных кампаний 1906–1907 годов;
- крестьянское и рабоче-крестьянское движение периода первой русской революции являлось формой борьбы народных масс за самосохранение, за сохранение Империи как культурно-исторического и геополитического целого
 - на успех могли рассчитывать только те политические силы, которых были адекватны базовым установкам массового сознания;
 - пренебрежение политической элиты массовым сознанием ведет ее к политической смерти, а страну – к новым «смутным временам»;
 - революция 1905–1907 годов породила партию «нового типа», которая сумела превратить массовое сознание в инструмент для достижения собственных политических целей и вместе с тем выступить в роли прогрессивного продолжателя Имперской Традиции;
 - отказ от европоцентризма, и ориентация на массовое сознание стали для большевиков дорогой к политическому Олимпу, а приверженность европоцентризму и игнорирование собственного народа стали для их политических оппонентов дорогой в политическое небытие.

1 См. *В.Ю. Карнишин*. Общественно-политический процесс в Поволжье (1905 – февраль 1917 гг.). М., 1997. Дисс. докт. ист. наук. С. 500.

2 Цит. по. *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология. Учебное пособие для вузов. Том II. М., 2001, С.21.

3 См. *Ильин И.А.* О грядущей России. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. С.43.

4 ГАСО, ф.3500, д.118, л.22

5 ГАРФ, ф.102, оп. 237, д. 1907, л. 13

6 *Гражданов Ю.Д.* В.И. Ленин о задачах социал-демократической партии в борьбе за крестьянство накануне и в период революции 1905–1907 гг.; Партия и массы в свете ленинской концепции (конец XIX – 1920 годы). Ярославль, 1993. С.70, 78.

7 Цит. по. *Блюменталь И.И.* Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае//1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925. С.107

8 *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С.254.

9 *Леонов М.И.* Указ. соч. С.398.

10 *Хевеши М. А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. М., 2001, С.21.

11 Цит. по: Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар)//Отечественная история/ РАН. Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 1993. – N 2. С. 18.

12 Цит. по:Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар)//Отечественная история/ РАН. Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 1994. – N 6. С. 18.

13 Цит. по: Там же, с.18–19.

14 Цит. по.: Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар – продолжение)// Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 1993. – N 2. С.10.

15 Цит. по: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. СПб., 1990. С.323.

16 Цит. по: *Масликова Т.Н.* Критика В.И. Лениным взглядов меньшевиков по вопросу о власти в период революции 1905–1907 гг. // *Непролетарские партии России в трех революциях.* М.: Наука, 1983.. С. 201–207.

17 Цит. по: *Модели общественного переустройства России. XX век.* М., РОССПЭН, 2004 г. С. 519.

18 *Милуков П.Н.* Год борьбы. СПб., 1907. С. 339.

19 Цит. по: *Клебанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М., 1978. С. 329.

20 Цит. по: *Ленин В.И.* «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» // *Полное собрание сочинений.* Т.16. М., 1961. С. 349.

21 Цит. по: *Сперанский Н.Н.* Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 67.

22 Цит. по: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С.100.

23 *Львов В.Н.* Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 октября» М., 1907. С. 4–9.

24 Цит. по: Указ. соч. С. 401.

25 *Голос Самары* от 22.02.1906 г.

26 См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914 гг. М., 1995. С.365.

27 *Пайнс Р.* Русская революция. Ч.1. М., 1994. С. 65.

28 Цит. по: *Н. Н. Сперанский.* Указ. соч. С. 458.

29 *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 65.

30 Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Ленинград, 1981 г. С. 155.

31 Цит. по: *В.П. Буддаков.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.120–21.

32 *Карнишин В.Ю.* Указ. соч. С. 72.

33 ГАСО, Ф.3., оп.233, д.1914, л.8.

34 ГАУО, ф.855, оп.1, д. 1324, л.1.

35 *Голос Самары.* № 21 от 28.01.1906.

36 Цит. по: *Современные концепции аграрного развития // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории.* – М.: Наука, 1993. – N 2. С. 3–28.

37 Цит. по: *Современные концепции аграрного развития // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории.* М.: Наука, 1993. – N 6. С. 79–110.

38 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1962. С. 24–25.

39 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.16. М., 1961. С. 439.

40 *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С.52.

41 *Ленин В.И.* ПСС. Т.16. М., 1961. С.407.

42 Цит. по: *Сперанский Н.Н.* Указ. соч. С. 458.

43 Цит. по: *Гинев В.Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902–1914 гг. Ленинград, 1983 г. С.46.

44 1905 г. в Симбирске. Симбирск, 1925 г. С. 32.

45 Цит. по: *Политическая история: Россия-СССР-Российская Федерация: В 2 т. Т. 1.* – М.: ТЕРРА, 1996. С.405.

46 Цит. по: Там же.

47 *Политические партии России в контексте её истории: учеб. пособ. / Коллектив авторов.* Рук. авт. коллек. Смагина С.М. Ростов-на-Дону; Феникс, 1998. С. 93.

48 Там же, С. 98.

49 ГАСО, ф.468, оп. 10, д.919, л.38.

- 50 Цит. по: Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. Брянск «Курсив», 1999. С. 245.
- 51 Цит. по: *Петрова З. П.* Большевики во главе всероссийской политической стачки в октябре 1905 года//Вопросы истории, 1955, № 12. С. 146–148.
- 52 Цит. по: Политические партии России в контексте её истории: С.54.
- 53 *Люсев В.Н.* Либеральное движение в Поволжье в 1905–1907 гг. 07.00.02. Дисс. канд. ист. наук. Пенза, 1998, с.125.
- 54 *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. М., 1993. С.19.
- 55 Цит. по.: Политические партии России в контексте её истории: ... С. 97.
- 56 Съезды и конференции конституционно-демократической партии 1905–1920 гг. В 3-х томах. Т.1 1905–1907 гг. М., 1997. С.292.
- 57 *Милоков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. СПб., 1907. С.168.
- 58 *Милоков П.Н.* Вторая Дума. СПб., 1908. С.29.
- 59 *Люсев В.Н.* Указ. соч., с. 104.
- 60 *Люсев В.Н.* Указ. соч. С.194.
- 61 ГАРФ, ф.102, 1906, оп. 736, д. 9 ч. 30, л.15.